



ВЕЩИ

Без вести пропавшим

ПАМЯТЬ
— Хорошо, что в «Магнитогорском металле» тема войны не закрыта, — пишет нам Галина Макарова, ветеран труда. — Читайшь воспоминания людей, переживших войну в тылу или на фронте, и диву даешься — как хватало сил пережить трагедию, выпавшую на долю нашего народа? Нелегко было всем: тем, кто был врага, замерзая в окопах, в болотах, проливая кровь за Родину, теряя своих товарищей. Тяжело было, недоедая и недосыпая, стоять у станков, домен и мартенов по 12–14 часов.

Невыносимо трудно жить на оккупированной немцами земле. Особенно страшно было в этом аду семьям коммунистов. Мой отец — коммунист Василий Сысоевич Божин (быть может, кто-то помнит его или знает что-то о нем?) — ушел на фронт в августе 1941 года. Мать осталась с пятью детьми: мне было три месяца, старшему брату — семнадцать лет и сестрам — четыре, шесть и восемь лет. Отец без вести пропал под Сталинградом. Немцы, в начале войны не получая должного сопротивления, брали один за другим наши города, и стало ясно, что Брянск тоже окажется в их руках. Тогда в нашей деревне решили сделать все, чтобы врагу было нечем поживиться: унять скот с фермы как можно глубже в тыл. Мой брат Василий Божин, комсомолец, организовал группу товарищей, которые и уняли скот подальше от врага. Возвращались комсомольцы, когда фашисты уже заняли деревню, не все сразу, а по очереди, чтобы не вызвать подозрения. Но предатели-полицейские проносили и доложили своим хозяевам. Моего брата враги едва не закололи, требуя комсомольский билет, но он, перед тем, как унять скот, надежно спрятав свои и отцовские документы.

Много горя пришлось хлебнуть нам и другим семьям коммунистов. Конечно, и над семьями беспартийных — тех, кто не стал пособником захватчиков, издевались, но над нами бесчинствовали особенно. Новые власти нас сразу сделали беспартийными, забрав скот, бесконечными поборами довели до нищеты. Потом выгнали из собственного дома, построенного отцом и братом перед самой войной. Мы стали жить в погребке, а потом староста, хоть и боялся возмездия, занял наш крепкий дом, а нас поселил в своей ветхой хатке.

Неоднократно нашу семью приговаривали к расстрелу, но от гибели спасали партизаны — брат был связан с ними, но доказать этого фашисты не могли. Хотя для них было достаточно одно лишь подозрение — моментально приговаривали к расстрелу.

В 1943 году Брянщина освободили от фашистов красноармейцы и партизаны. Но враги, стремясь сохранить свои жизни, шли на бесчеловечную хитрость. Отступая, они гнали с собой население лежащих на пути деревень. Маме удалось уползти и спрятать нас до ночи в воронке, и в деревню мы вернулись нескоро. Обессиленные от голода и страха, мы больше спали, чем шли. Ели гнилой картофель да редьку увеличенной от огня колоски. В родной дом так и не смогли вернуться — староста откупился от нас мешком пшеницы, а у мамы не было сил с ним бороться. У нас хоть крыша была над головой, а кому-то и этого не досталось — дома сожгли...

Мирую жизнь начали маленькой семьей: вместе с партизанами и Красной Армией ушел бить врага наш повзрослевший брат, погибший под Гомелем (может, кто-то знает о нем?), получили похоронку на отца. Во время оккупации от скарлатины умерла одна из моих сестер — мама не смогла выводить ее в погребке. Трех из нашей семьи забрали в плен: в похоронке отца — «пропал без вести», а брат — «погиб героически».

Сколько таких пропавших отцов и братьев, сестер и матерей. Одни пропали с войной, а другие остались безвестными, сложив головы на поле боя. И это нам, семьям пропавших, непонятно: призывали в армию, оформляли документы, приписывали в такую-то часть, а следов нет. Бок об бок с другими людьми воевал, а потом — «пропал без вести»... Им, без вести пропавшим, я посвящаю эти строчки:

*Войне мы отдали сполна,
Мы крови, жизни не жалели.
Но хоронила нас война
В противотанковой траншее.
А на войне как на войне —
Мы не стояли за ценою.
Дороже были нам вдовине
Те, кто за нашу спину.
За них врагу мы ревели глотку
И поезды пускали под откос.*

*Стрелили кровь со лба пилоткой,
Тогда нам было не до слез.
Другой из нас воякином
И прикрывали их собою.
Нас пули и иррапель кости,
Но был приказ-команда: к бою!
Нас танки в землю засыпали
И становились мы землей.
И только наши души знали,
Где мы сгорели с тобой,
И ни могольного холма,
Ни обелиска со звездой
Нам не оставила война.
Мы просто проросли травой...*



Сколько таких пропавших отцов и братьев, сестер и матерей.

Последний бой танкиста

ПОИСК

Хочу рассказать о командире взвода 311-го танкового батальона 110-й танковой бригады лейтенанте Рудыкине Павле Максимовиче, погибшем 20 июля 1943 года, о поисках его останков отрядом 5 «Б» класса школы № 66.

В начале 1985–86 учебного года поисковый отряд 5 «Б» получил задание от общешкольного штаба «Поиск» разыскать в микрорайоне № 109 семьи погибших солдат. Ученики включились в работу... Однажды декабрьским морозным утром постучали ребята в дверь Натальи Ивановны. Оказалось, что 42 года ищет она могилу мужа. Много официальных бланков скопилось в доме за эти годы: «Главное управление кадров Министерства обороны СССР сообщает, что командир взвода 311-го танкового батальона 110-й танковой бригады Рудыкин Павел Максимович погиб 20 июля 1943 года. Других сведений не имеется».

«Архив Министерства обороны сообщает о месте нахождения могилы Рудыкина П. М. не имеет возможности из-за отсутствия документов 110-й танковой бригады за июль-август 1943».

Стахановцы Магнитки

Своим трудом они укрепляли мощь великой державы

Существенную роль в развитии стахановского движения, развернувшегося в середине 30-х годов прошлого столетия, сыграли труженники Магнитогорска. Продуманной политикой, ориентированной на овладение техникой и новые методы труда, политическое и хозяйственное руководство города, металлургического комбината и треста «Магнитострой» подготовили рабочий класс и инженерно-технический состав предприятий к участию в движении новаторов.

Магнитогорские металлурги стали инициаторами проведения Всесоюзной стахановской пятидневки, поддержанной газетой «Правда»

Начиная с 1931 года во всех бригадах и артелях на строительстве комбината был введен технический час, предусматривающий повышение технического образования и освоение техники. Уже в мае того же года в различных технических кружках занимались около трех тысяч строителей, и закончили их, получив необходимые знания, к началу 1936 года почти 12 тысяч рабочих Магнитостроя. В 1931 году был создан городской штаб по овладению новой техникой, который многие годы профессионально руководил этой работой. Вчерашние малограмотные строители становились доменищиками, сталеварами, прокатчиками, коксохимниками.

Хорошо об этом сказал первооткрыватель города Хабидулла Галиуллин: «Был период бетонных работ — мы были бетонщиками, началась монтаж конструкций — мы стали монтажниками, а после пуска первой очереди завода многие стали металлургами».

Уже на следующий день после того как дозвонился шахтер А. Стаханов в ночь на 31 августа 1935 года с помощью двух крепильщиков, работая отбойным молотком, выдал на гора 102 тонны угля, перекрыв сменную норму в четырнадцать раз, старший оператор блюминга Дмитрий Богатыренко призвал своих товарищей вернуться на ММК стахановское движение. Он и сам включился в него. Да так, что первый секретарь Магнитогорского горкома ВКП(б) Рафаэль Хитаров, принимавший участие 14–17 ноября 1935 года в первом Всесоюзном совещании стахановцев в Москве, в своем выступлении говорил: «На наших прокатных станах мы получили удивительные результаты мощного подъема стахановского движения. На блюминге появились передовики, первые стахановцы на заводе — это Д. Богатыренко и товарищи Огородников, которые по-настоящему «оседлали» технику блюминга. При норме в 170 слитков наши операторы на блюминге прокатают 240 слитков».

С гордостью магнитогорский лидер назвал имена старшего мастера стана «300» Михаила Зуева и его детей: «На этом стане работает целая семья стахановцев Зуевых: отец-мастер Зуев и три его сына — прокатчики. Они идут во главе передового отряда стахановцев на нашем заводе, они обеспечивают наш чрезвычайно быстрый и успешный освоение этого стана». Сам же Зуев, рабочий с дереволопильным стажем, так оценивал возможности своего стана: «Если фирма «Клейн» рассчитала точную мощность стана 500 тонн, то мы добьемся производительности полторы тысячи. Я забыл и думать об инвалидности и чувствую в себе силы дать стране горы металла».

В октябре 1935 года в Магнитогорске состоялось выездное заседание Президиума ЦК Союза металлургов Востока с участием партийных и хозяйственных руководителей, рабочих стахановцев и ИТР, которое рассмотрело состояние стахановского движения на ММК. В совместном с профкомом ММК постановлении отмечена была высокая активность передовых рабочих и ИТР по развешиванию движения новаторов. Заседание отметило высокую активность прокатчиков Д. Богатыренко, В. Огородникова, А. Тищенко, В. Шевчука, сталеваров Т. Боброва, П. Дьяченко, А. Грязнова и других. Их почти был подвуччен доменищиками Л. Орловым, С. Перевезевым, сталепильщиками К. Бурашиновым, П. Елькимым, коксохимниками П. Ена и другими.

В сентябре-октябре 1935 г. вся Магнитка с интересом следила за трудовым поединком бригады старших операторов блюминга Д. Богатыренко и В. Огородникова. В течение двух месяцев длился поединок. То выходила вперед бригада Бо-



гатыренко, то Василия Огородникова. 28 октября бригада В. Огородникова дала 243 прокатанных слитка вместо 171 по норме, а Богатыренко отстал на 4 слитка. Несмотря на значительное повышение производительности на стане, В. Огородников считал, что «... мы исчерпали еще далеко не все возможности повышения производительности блюминга, хотя мною уже значительно перекрыта проектная производительность, данная немецкой фирмой «Лемаг». Не очень сокрушался Богатыренко. Вот пример рассуждения стахановца: «Возьмем меня и Огородникова. Ведь работаем мы совсем по-разному, я работаю на малых скоростях, самое большое — два 70 оборотов мотора в минуту. Зато у меня слиток лишнего миллиметра не пройдет. Огородников, напротив, работает на очень больших скоростях, он дает мотору 120 оборотов... А когда я научусь работать так быстро, как он, а Вася так ловко, как я, знаешь, сколько тогда мы дадим».

В ломку старых приемов работы включились два знатных первооткрывателя комбината Х. Галиуллин и Н. Шахмуллин. Правда, к началу движения передовиков за вынужденную производительность труда они по приказу начальницы ММК А. Завенягина находились на учебе для ликвидации своей малограмотности. Вскоре к ним присоединились еще два ударника труда Ашеулов и Кокосов. Неуютно чувствовали себя эти активные люди. В стране и городе происходят такие важные

события, набирает силы движение стахановцев, а они за партией сидят. Подлило масла в огонь письмо электросварщиков Азовстали, призвавшее внедрять в строительство новые методы, предложенные Стахановым. Орденоносцы решили временно прекратить учебу, включить в движение новаторов и дали ответ на обращение «завстальцев»: «Мы, орденоносцы Магнитки, приветствуем вашу инициативу по внедрению стахановских методов работы на строительстве, а также достижение вами первых рекордных показателей. Мы в свою очередь решили на деле показать, что значит работать по-стахановски, прерываем временно учебу и становимся на рабочие места».

Уже 4 октября бригада Кузнецова под руководством Галиуллина на строительстве мартовского цеха добила рекорда — выполнила сменное задание на 340 процентов. Стахановское движение в городе разрасталось: в ноябре на ММК стахановцев было 498, в декабре — 1126, в январе 1936 — 2496.

11 января 1936 г. были проведены первые стахановские сутки. Почти все передельные комбината обрабатывали из с перевыполнением плана и способствовали переходу к систематической и высокопроизводительной работе всех металлургов. Сутки затем перешли в стахановскую пятидневку, причем магнитогорские металлурги стали инициаторами проведения Всесоюзной стахановской пятидневки, поддержанной газетой «Правда». Стахановское движение открыло новые имена, дало возможность людям проявить себя в труде. В те годы ярко загорелась звезда доменищика, участника пуска девяти (из десяти) доменических печей Магнитки Алексея Шатилина, впоследствии лауреата Государственной премии, Героя Социалистического Труда, почетного гражданина Магнитогорска, кавалера многих орденов и званий, участника пуска первых доменических печей Георгия Герасимова, Дмитрия Орлова, Сергея Перевезева, Василия Горностая, Николая Савичева, сталеваров Григория Боброва, Михаила Кашеева, Захара Лупинова, в 1951 году избранного депутатом Верховного Совета РСФСР, прокатчиков Павла Черныша и Ивана Миткова, коксохимника Ивана Летнева и многих других. Это известные имена. Хотелось бы назвать стахановцев, несколько забытых сегодня, но сделавших достойный вклад в движение передовиков производства.

Один из них Петр Ена, инициатор стахановского движения на ММК и коксохиме, где работал с 1932 по 1945 год и прошел путь от локотного до помощника начальника коксовых печей. В предвоенные годы Анися Морозова, формовщица и пресовщица динасового цеха, за смену вместо 4500 кирпичей сняла 6300. С 1933 года на строительстве прокатных цехов работал плотник Иван Пакуныян, финн по национальности. Прошло только два года, и Пакуныян — стахановец, человек, к которому приходят учиться плотники других участков стройки. Перевыполнение

плана в три раза — обычное явление в работе передовика. Для него суть работы по-стахановски — в институте, его подготовке, в организации рабочего процесса и рабочего места. Мария Маслова, в прошлом батрачка, малограмотная, к 1932 году окончила курсы электросварщиков и стала работать на строительстве мартеновского цеха № 3 бригада Бутяева сменное задание выполняла на 198 процентов, а бригада арматурщиков Парамонова — на 203 процента. В августе того же года стахановец Григорий Гореленко, формовщик литейного цеха, на формовке бронзового цеха и ЦЭС выполнил норму на 1714 процентов. В процессе труда прежде малограмотные люди постоянно учились и становились мастерами своего дела. В 1929 году приехал в Магнитогорск на строительство металлургического комбината имеющий за плечами шесть классов школы Николай Игнатов. Его направили работать кокачером на паровоз. Игнатов работал и учился. В 1938 году был машинистом паровоза, хорошим специалистом, стахановцем, работал без брака. Сталевар-стахановец Сергей Корнюков на первой мартеновской печи сварил несколько скоростных плавок.

Газета «Магнитогорский рабочий» 30 августа 1938 года отмечала, что к концу того года на ММК 4042 стахановца выполняли сменное задание на 150 процентов и выше, а 2912 — давали по 2 нормы.

Так работали наши деды, отцы и матери, создавая своим трудом славу Магнитки и укрепляя мощь великой державы!

Люциян КАЮКИН,
ветеран Магнитки.

Память — это медная доска, покрытая буквами, которые время незаметно сглаживает, если порой не возобновлять их резцами.

Джон ЛОКК

На краю поля...

БЫЛОЕ

В начале сентября наш полк вышел к железнодорожной линии и шоссе на дороге на Полтаву. Перед нами была деревня Придорожная, вокруг которой раскинулись картофельные и кукурузные поля — совсем как в колхозные времена. Незадолго до нас хорошо поработали саперы, о чем говорили кучи мин по обеим сторонам дороги. Но извлекли не все.

Вечером рыли окопы западнее деревни — ожидали немецких танков. На шоссе появились бронетранспортер, я выстрелил два раза — повалил густой черный дым. И тут началось минометный обстрел, из леса появилась цепь солдат, заработали наши «станки». Немцы залегли, опять на нас посыпались мины. Из леса пошли их танки. Лежал в окопе между другим Серегой и раненым пленным — полоска неба, появилась левая гусеница, правая — над пулеметчиками. Двигатель заглох, открылся верхний люк, немец высунул башку. Разрыв мины, немец спрятался, по броне зазвенели осколки. Двигатель заработал, зашел тонко и нежно, а я смотрю на гусеницу, аж глаза чуть не вывихнул: куда двинется? Если вперед — первым заорет раненый и нам — назад. Двигатель зашел громче, гусеница дрогнула и поплыла... назад. Опять мина, звон осколков по броне. Немцы стали пятиться быстрее. Я кинул раненого локтем, он ойкнул, зашевелился, пытается подняться. Я тоже стал выбираться из окопа. По полю шли пять немецких танков, один горел, удирая в лес, между ними густо сыпались мины и снаряды. Со дня окопа выбрался и Сергей, стал разминаться, из гнезда подняли головы пулеметчики...

Остатки дня провели на старых позициях. Вечером взял пару котелков и пошел в деревню, размышляя: осталась ли кухня после налета авиации? Она уцелела, но была и страшная новость: бомба попала в погреб, где укрывались от бомбежки более десяти человек. Страшную воронку огородили жердями и колышками. За деревьями в башке еще хлупали минометы. Шел с ужимом по кукурузному полю и вдруг почувствовал, что лечу, подо мной вырвался сноп пламени. Шлепнулся спиной на плац-палатку и даже удара не почувствовал, никакой боли, сознание как бы затормозилось. Мина? Снаряд?

Глянул на плац-палатку, подо мной уже лужа крови. Вещешка со мной не было, но перевязочный пакет был при мне. Кое-как перевязал ногу выше колена, а как перевязывал руку — не помню. Вдруг услышал разговор — двое шли с нашей передовой на кухню. Я кричал. Подошли, один встал в двух шагах, другой — ко мне. И тут прогрелся взрыв. Когда пришел в себя, рот был забит землей, обломками зубов и кровью. Появились раны в правом плече сверху и сзади. Немного очухался и попробовал ползти. Удалось добраться до края поля. Тут меня и нашли солдаты. Дотравили до кювета, положили на солому и соломой же закрыли. Когда уже начал замерзать, пришла повозка, меня погрузили с другими ранеными и отвезли в медсанбат...

Георгий НЕКЛУДОВ,
ветеран войны.